

Научная статья
УДК 94
doi: 10.17223/15617793/483/18

Сравнительно-исторический анализ в прогнозировании революций

Эдуард Эдуардович Шульц¹

¹ *Московский государственный областной университет, Москва, Россия, nuap1@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается проблема прогнозирования революций. Для прогнозирования революций предлагается сочетание методов – сравнительно-исторического анализа и метода аналогий. Метод сравнительно-исторического анализа используют, когда революции рассматриваются как социально-политическое явление Нового и Новейшего времени. К методу аналогий прибегают в ситуации, когда революции происходят в странах со схожими условиями.

Ключевые слова: революции, теория революций, прогнозирование революций, базовые революции, корректирующие революции, современные революции

Для цитирования: Шульц Э.Э. Сравнительно-исторический анализ в прогнозировании революций // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 483. С. 156–164. doi: 10.17223/15617793/483/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/483/18

Comparative historical analysis in the prediction of revolutions

Eduard E. Shults¹

¹ *Moscow Region State University, Moscow, Russian Federation, nuap1@yandex.ru*

Abstract. The article considers the problem of forecasting revolutions – one of the main issues raised in social sciences whose solution meets objective and subjective difficulties. Researchers radically diverge in the possibility of predicting revolutions, as well as in the question of whether revolutions have a future or the era of revolutions has passed. An opportunity to predict revolution is important, but most often in forecasts this socio-political phenomenon is substituted for attempts of predicting explosions of social protest in its mass and radical forms which can lead to a change of power. The analysis of revolutions allows, with a huge share of probability, concluding that revolutions have a chance to occur where they never occurred, except for specific cases when certain countries already avoided revolutions. To reach the aim, the author offers a combination of two approaches: (1) a comparative-historical analysis of revolutions as a socio-political phenomenon of the modern era and (2) a method of analogies – if a phenomenon occurs under certain conditions in one country or group of the countries, then this phenomenon, most likely, will also happen in other countries with similar conditions. To solve the problem, the author considers exclusively demonstrations of the phenomenon of revolutions for the period of modern and contemporary history, since forecasting is based on methods of comparative historical analysis and analogies and the article does not set historical and philosophical problems about the possibility in the future of revolutionary phenomena similar to those that took place in antiquity, or to communist revolutions. In the author's opinion, the revolution as a process consists of three components: (1) social protest in mass and radical forms; (2) coup d'état (change of political power); (3) reforms in the state (significant changes in the system). In the absence of one of the components, the term “revolution” is not applicable. Violation of this rule leads to the blurring of the boundaries of the phenomenon and the dragging into it of other political and socio-political phenomena (coups, reforms, mass protests, etc.). A comparative analysis of more than sixty revolutions identifies two types by external characteristics (algorithm and consequences): basic and corrective (including six models of the revolution algorithm, three in each form). Then the author analyzes options for a no-revolution path for various states. This approach allowed the following conclusions. (1) For the majority of the countries, the era of revolutions has come to an end. (2) A large number of the countries of Africa and some countries of Asia have a forthcoming long civilization period before conditions for the revolutions of the modern era mature. (3) In the short and medium terms, a number of countries have prospects of revolutions. At the same time, in connection with globalization and internationalization of the ideas and technologies, these countries can undergo necessary transitions in the evolutionary way through reforms, avoiding revolutionary explosions.

Keywords: revolutions, theory of revolution, forecasting of revolutions, basic revolutions, correcting revolutions, contemporary revolutions

For citation: Shults, E.E. (2022) Comparative historical analysis in the prediction of revolutions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 483. pp. 156–164. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/483/18

С точки зрения предсказания революций первый вопрос заключается в том, а есть ли у революций будущее, не закончились ли они. Здесь исследователи расходятся во мнении кардинально. Джек Голдстоун и Джон Форан, например, полагают, что у революций есть будущее [1. С. 2; 2. Р. 401]. Джефф Гудвин и Мисаг Парса считают, что демократизация в дальнейшем пойдет не революционным путем, а через юридическое и законодательное русло [1. С. 8–9]. Джеффери Пэйдж уточняет, что нет будущего у революций в виде классовых восстаний снизу, при этом другие формы и виды вполне могут присутствовать [3. Р. 27]. Большая и, пожалуй, бóльшая часть исследователей полагает, что революции непредсказуемы, и это одна из характерных и отличительных их черт [4. С. 22; 5. С. 388–389; 6. Р. 250; 7. Р. 7].

Исследователи революций поставили одной из главных задач прогнозирование революций, однако пока этот опыт нельзя назвать удачным [2, 8–10]. Основные причины, на наш взгляд, следующие: 1) происходит попытка прогнозирования не революций, а госпереворотов и массовых проявлений социального протеста (что, конечно, важнее для политики и власти, но не обязательно связано с революциями); 2) эти прогнозы отталкиваются от различных точек отсчета и опираются на разные принципы, но это не те характеристики, которые определяют явление «революции».

Для решения поставленной задачи нам необходимо принять, что мы рассматриваем революции только как социально-политическое явление Нового и Новейшего времени.

Во-первых, здесь и сейчас нас исключительно интересует только демонстрация явления «революций» для периода Нового и Новейшего времени, так как в прогнозировании мы полагаемся на методы сравнительно-исторического анализа и аналогий и не ставим историософских задач о возможности в будущем явлений революционного порядка, сходных с теми, что происходили в древности, или коммунистических революций.

Во-вторых, следует отметить, что термин «революция», складывание которого произошло в период XVII–XIX вв., отталкивался от событий английских революций 1640 и 1688 гг., Американской революции и французских революций 1879, 1830 и 1848 гг. – событий, аналогов которым не было в предыдущей истории. Несмотря на отсутствие единодушия в определении термина «революция», научный дискурс подразумевает такое поле значений, в котором революция противопоставляется эволюционным процессам, представляет собой резкие, быстрые (в сравнении с эволюционным путем), существенные изменения в обществе [11; 12; 13. С. 11–33, 93–113]. Общества совершают трансформации, которые могут напоминать революции модерна, но они в своих проявлениях принципиально отличались. Данное положение основательно вошло в комплекс общественных наук, получив поддержку многих ведущих исследователей теории революции [5. С. 367–368; 14. С. 15, 31,

45, 51–53, 57, 83, 223, 229, 262, 374; 15. Р. 38; 16. Р. 13, 42].

Революция – это политический переворот, поддержанный массами населения, который ведет к кардинальному изменению политической и социальной системы общества. Революция как процесс состоит из трех компонентов: 1) социальный протест в массовых и радикальных формах; 2) государственный переворот (смена политической власти); 3) реформы в государстве (значительные изменения системы). При отсутствии одной из составляющих термин «революция» неприменим. Государственный переворот возможен без социального протеста и без реформ в обществе. Даже наличие реформ после государственного переворота не говорит о наличии явления революции, так как этот феномен подразумевает кардинальные изменения в обществе, а такие после обычного политического переворота не происходят. Именно поэтому записываемые рядом исследователей в революции события в Иране 1953 г., Гватемале в 1944–1954 гг., в 1970-х гг. в Анголе, Мозамбике, Зимбабве, на Ямайке и Гренаде, в 1970–1980-х гг. в Родезии [17. Р. 33, 90, 123], а также так называемые цветные революции, к которым относятся и события арабской весны [18. С. 297–299, 315], революциями никак не являлись. По этим же причинам события 1989–1991 гг., известные как «бархатные революции», являлись революциями, так как содержали все три составляющие. Несмотря на то что уровень социального протеста в ряде стран этих революций был невысок, все случаи содержали в себе политический переворот и радикальные изменения в политической и социальной сферах. Как верно заметил французский социолог и философ Жак Эллюль, восстание становится революцией тогда, когда начинается этап строительства [15. Р. 50]. Именно радикальные преобразования отличают явление «революция».

Сравнительный анализ алгоритма революций (ход, этапы) дает 6 моделей революций: 1) Великая французская революция (ВФР), Английская революция 1640–1653 гг., Русская революция, Мексиканская революция 1854–1867 гг., Иранская революция 1905–1911 гг., Турецкая революция 1908–1923 гг.; 2) Нидерландская, Американская революции, революции в Латинской Америке (1810–1826 гг.); 3) (рассматривается далее); 4) французские революции 1830 и 1848 гг.; 5) так называемые бархатные революции; 6) «славная революция», «революция гвоздик», революции в Египете 1952 г., Ливии и Ираке 1958 г., Ливии 1969 г.

Существуют еще модели по алгоритму, которые близки к названным моделям, но имеют некоторые отличия. Революции в Бельгии 1830 г. и Швейцарии 1847–1848 гг. похожи на модель 2, по которой прошли национально-освободительные революции, но здесь не было внешней силы, с которой необходимо было бороться, – происходил процесс объединения разрозненных частей страны. Революции в Швеции 1809 г. и Норвегии 1814 г. близки к модели 6, по которой революция проходит в виде военного перево-

рота, но здесь на престол ставится другой монарх и проводятся кардинальные политические и социальные реформы. Частично данные революции близки Бельгийской 1830 г. и Швейцарской 1847–1848 гг. – движение военной силы из регионов в столицу, охват всей страны. Сюда же примыкают революции в Финляндии и Польше 1918 г., где данные территории выделились из состава другой страны в связи с революцией в последней – в России, при этом присутствовали в том или ином виде такие элементы, как «государственный переворот» и «гражданская война».

Это самая малочисленная группа революций в общем явлении, однако отнести их к другим моделям не позволяют принципиальные отличия: 1) революции привнесли значительные изменения в общества, что отличает их от революций моделей 4, 5 и 6; 2) по своему алгоритму и влияющим факторам они не могут быть отнесены к модели 1 (классические революции) и модели 2 (национально-освободительные революции). Таким образом, используя здесь дополнительные признаки, мы выделяем эту модель как отдельную – третью.

По внешним признакам проявления выделяются революции, которые заняли длительные промежутки времени и сопровождались серьезным социальным противостоянием. Эти революции отличают не только внешние проявления, но и последствия – они привели к значительной ломке системы, к самым кардинальным изменениям. Такие революции могли быть единственными в стране, а если нет, то следующие революции были скоротечны и без большой социальной напряженности. Первый вид логично назвать основными или базовыми революциями, второй – дополнительными или корректирующими.

Исходя из определенных моделей по алгоритму (указанных выше), существует классический тип, представленный ВФР и Английской революцией (модель 1), но есть как минимум и революции, которые происходили вместе с национально-освободительной борьбой (модель 2). Причем выделяются еще и революции, когда не было внешней силы, на которую эта борьба могла быть направлена, но в стране решался вопрос объединения территорий и создания единого государства (модель 3). Те революции, которые были вторыми и третьими в странах (мы называем их корректирующими), обладают очевидными различиями: так, французские революции 1830 и 1848 гг. различаются между собой и отличаются от так называемой «славной революции» в Англии 1688 г. Здесь необходимо искать несколько типов внутри вида корректирующих революций (модели 4, 5, 6).

Таким образом, сравнительный анализ всех революций приводит нас к выделению двух видов по внешним признакам (алгоритм и последствия): базовые и корректирующие (включающие в себя 6 моделей алгоритма революций, по три в каждом виде). Базовые революции, как правило, являются основными, первыми революциями в государствах, показывающими возможность изменений и их вектор. Корректирующие революции проходят там, где определен-

ные изменения не были проведены в результате базовых революций и последующих реформ. В базовых революциях выделяются 3 типа: национально-освободительные, классические и смешанные. В корректирующих революциях – также 3 типа: по типу «баррикад» (французские революции 1830 и 1848 гг.), «демонстраций» («бархатные»), «военного переворота» («славная революция», «революция гвоздик», в Египте в 1952 г., Ливии и Ираке в 1958 г., Ливии в 1969 г. и др.).

Разберемся в существующих вариантах революций и безреволюционного пути развития.

В национально-освободительных революциях решение проблемы социально-политического развития сочетается с изгнанием оккупационного режима или правительства, зависимого от иностранного государства. К национально-освободительным революциям относились Нидерландская и Американская революции, революции в Испании и Португалии (1808–1814 гг.), Греции (1821–1829 гг.), революции в Мексике, Венесуэле, Перу, Чили, Боливии, Аргентине в 1810–1826 гг. (война за независимость испанских колоний в Америке), Филиппинская революция 1896–1898 гг., Ирландская революция 1919–1923 гг. (в части до 1922 г., затем в 1922–1923 гг. велась своя гражданская война), революции в Марокко (1953–1956 гг.), Тунисе (1952–1957 гг.), Алжире (1954–1962 гг.), Вьетнамская революция 1945–1975 гг. и некоторые другие.

В ряде государств после национально-освободительных революций снова прошли революции, как, например, в Боливии (1952 г.) и Никарагуа (1979 г.). Мексике после национально-освободительной революции 1810–1821 гг. потребовались революции в 1854–1867 гг. и в 1910–1920 гг. В Испании и Португалии революции заняли весь XIX в. и первую треть XX в.

Революции могли не происходить в странах, куда новая система была привнесена как в часть территории другого государства: Австралия, Канада, Исландия и ряд других. Этот же эффект проявлялся в ходе временной оккупации государства с проведением реформ, что произошло наиболее ярко в период Наполеоновских войн и после II Мировой войны.

В странах, образовавшихся путем отделения от других государств, где ранее произошла революция, базовая революция не происходила. В США и Ирландии, например, потребовались национально-освободительные революции для обретения независимости от Англии, в Австралии и Канаде отделение произошло мирным путем. Во всех случаях иностранный диктат сменился на национальную демократию – существовавшие или вновь вводимые демократические институты приобретали статус высшей власти в стране. Первый сценарий – США: революция и война против Англии, раннее выделение в самостоятельное государство. Второй сценарий – Ирландия: длительная национально-освободительная борьба на протяжении нескольких веков, революция и успешная война с Англией в первой четверти XX в. Третий сценарий – Канада, Австралия, Новая Зеландия: мирное

отделение в XX в. К третьему сценарию примыкает ряд стран с неанглийским (в отличие от вышеупомянутых) населением: Индия, Пакистан, Шри-Ланка, Бирма, Тринидад и Тобаго и др.

Такой же вариант существовал и с национально-освободительной революцией: когда революция проходит в государстве, а затем от него отделяются части в отдельное государство, то в них революция могла больше и не происходить. Не потребовалось революций после национально-освободительных в Колумбии, Эквадоре, Коста-Рике, Перу, Гватемале, Панаме, Гондурасе наравне с Нидерландами, США, Бельгией и Швейцарией.

В странах, избавившихся от колониальной зависимости, с уходом власти страны-метрополии исчезали монархия и дворянское сословие. Это открыло возможность безреволюционного перехода не только в развитых странах, таких как Канада, Австралия и т.п., но и в некоторых странах Латинской Америки и Юго-Восточной Азии (английские колонии: Тринидад и Тобаго, Гайана, Белиз, Гренада, Шри-Ланка, Малайзия, Сингапур, Мальдивы; колония США Пуэрто-Рико и колония Нидерландов – Суринам). На территориях, присоединенных к государствам-метрополиям, где уже прошла революция, революций не было (например, Французская Гвиана).

Уровень социально-экономического и политического развития метрополии оказывал сильное влияние на революции в странах-колониях. Существенным был и временной факт революций в метрополиях. Характерно меньшее количество революций в британских колониях и более частая замена национально-освободительных революций мирным переходом к независимости. Колонии Испании и Португалии застали свои метрополии в период революций, проходивших в XIX и XX вв., что сильно повлияло на происхождение и развитие национально-освободительных революций в этих колониях.

Революция могла происходить в новых государствах в период распада крупного государства-империи, как, например, это было в Финляндии 1918 г., а могла быть привнесена соседним государством, как произошло в Монголии в начале 1920-х гг.

Теперь необходимо остановиться на потенциальных революциях, которые происходят на наших глазах, но в силу различных обстоятельств они превратились в затяжные гражданские войны.

В Непале идет затяжная гражданская война в классической для Юго-Восточной Азии форме партизанской борьбы с леворадикальным характером. В 1950–1951-е гг. при вмешательстве Индии был сохранен монархический строй и произошел откат снова к абсолютной монархии. Таким образом, сложился эффект «отложенной революции». В 1994 г. к власти через выборы пришли коммунисты, однако менее чем на год. В 1996 г. в стране началась гражданская война. В 2006 г. к партизанской борьбе добавилась всеобщая забастовка и политический союз партий парламента с коммунистами, руководившими партизанской войной. В результате монарх был лишен власти, страна объявлена республикой. В связи с силой крайне левых

возможно дальнейшее развитие революции, однако сдерживающими факторами являются противовес сил в обществе, международное влияние и положительный пример возможности переговоров и политического консенсуса в стране. Присутствует и фактор внешнего врага – Индии, способный играть объединяющую роль политических сил Непала и его общества.

Близкий пример – Бирма (Мьянма), была английской территорией. Получила независимость в 1947 г., сразу же вспыхнула гражданская война, которая продолжалась до 2012 г. На наших глазах происходит формирование единого государства и реформирование политических институтов. От реализации и полноты реформ будут зависеть продолжение гражданской войны и революционный потенциал.

Северный и Южный Йемен получили независимость в разное время: Северный – в 1918 г. от Османской империи, Южный – в 1967 г. от Англии. В Северном Йемене произошла революция (1962–1975 гг.), повлекшая за собой восьмилетнюю гражданскую войну и войну между Севером и Югом. В 1990 г. произошло объединение государства, но уже в 2004 г. в стране снова вспыхнула гражданская война, а затем и в 2014 г.

Некоторые страны не знали революций, в своем развитии они не доросли до них. Речь идет о большинстве стран Африки и части стран Азии, где государство стало результатом не эволюции, а более навязанным актом, где социальная структура несет особенности родоплеменного строя и кланово-этнических противостояний.

После распада колониальной системы в ряде бывших колоний шли гражданские войны на этнической почве (с требованием выделения новых государственных образований из состава очерченных государств). Такой опыт возник с началом развала колониальной системы в начале XIX в. и отделения испанских колоний, проявился в распаде так называемой Первой Мексиканской империи. В XX в. такая практика возникла почти повсеместно: Папуа – Новая Гвинея, Шри-Ланка, Бирма, Эритрея, Судан и почти вся Центральная и Южная Африка и др. Проблема заключается в том, что «национальные границы зачастую проводились произвольно, без учета культурного или этнического единства» [19. С. 18]. С той же проблемой мы сталкиваемся и в примере Афганистана.

Процессы государственного образования путем отделения происходят до сих пор (например, Южный Судан, Западная Сахара). Ряд государств находятся в состоянии, когда они уже потеряли атрибуты единой государственности (например, Сомали) или сохраняют эти атрибуты, но фактически государственная власть не распространяется дальше городов или вообще одной столицы. Большинство государств вышли из состояния открытой гражданской войны при вмешательстве извне, но разделение в обществе никуда не делось и грозит новыми гражданскими войнами и потенциальным распадом государств (ЮАР, Сьерра-Леоне, Либерия, Уганда, Нигерия, Нигер, Гвинея-

Бисау, Ангола, Кот-д'Ивуар, ДР Конго). Пример оформившегося распада государств в связи с этноконфессиональным конфликтом – Судан и Южный Судан, где в 1955–1972 гг. и 1983–2005 гг. шла война между арабским севером Судана и южанами-неарабами, а в 2011 г. Южный Судан получил суверенный статус.

Исследователи справедливо указывают на особенности развития африканских стран в связи с историей их образования и развития. Так, «только три государства Африки южнее Сахары формально остались независимыми; это Эфиопия, Либерия и Южно-Африканская Республика (ЮАР). Истории образования и развития этих трех государств кардинально различались». Государственность в Эфиопии существовала с Древнего мира. Либерия и ЮАР представляют собой государства, созданные своеобразным путем в конце Нового времени: Либерия создана бывшими американскими рабами, вернувшимися в Африку, ЮАР – объединение государств «белых поселенцев» [20. Р. 119–130; 21. Р. 282–289; 22. Р. 228–269].

Пример африканских стран достаточно наглядно демонстрирует принцип: уровень развития цивилизации отражается на государственном и национальном строительстве, и это вполне коррелирует с явлением революции. Государства в современном понимании формируются в Северной и Северо-Восточной Африке – на территориях развития цивилизаций и государственности с Древнего мира или как минимум со Средних веков. Из всех стран Центральной, Западной, Восточной и Южной Африки только в Эфиопии произошла революция (1974–1975 гг.). Цивилизация в Эфиопии берет свое начало до нашей эры, и это государство находится в ряду единичных случаев для Африки, когда в стране так и не был установлен колониальный режим.

Все страны Центральной и Южной Африки имели неудачный опыт переходов к демократическому правлению в современном понимании, прошли через этноконфликты и гражданские войны. В большинстве этих государств клановое, родовое или племенное деление является основой общества. Население сохраняет патриархальный уклад жизни. Причем эти процессы свойственны и государствам, которые были основаны так называемыми реэмигрантами (потомками вывезенных в рабство африканцев) и имели большее воздействующее влияние на общественные и государственные институты (Сьерра-Леоне и Либерия). Страна-метрополия здесь не играет такой роли, как это сложилось в других частях света. Английские, французские, итальянские, португальские, испанские, бельгийские колонии мало отличаются друг от друга в период независимости.

Это не означает, что есть страны и народы «неспособные» или «недоросшие до демократии». Это значит, что период колонизации создал такое вмешательство, которое помешало этим народам и странам пройти естественно-исторический путь развития, создало причудливые комбинации идей и технологий современности с чертами родового, первобытно-общинного и феодального строя.

Вмешательство европейской цивилизации произошло тогда, когда на территории Центральной и Южной Африки существовали первобытно-общинный строй и раннеклассовые государства. Кроме экономического перекося в сторону аграрно-сырьевой экономики, интегрированной в экономику страны-метрополии, одним из главных последствий для африканских стран стали деформированные социальные структуры.

Возникновение Афганистана как государства и определение его границ стало больше результатом внешнего влияния и юридического признания, чем внутренних процессов. На афганской территории существовали отдельные княжества: Кабул, Кандагар, Пешавар и Герат, – значительная часть горных афганских племен сохраняла самостоятельность на протяжении всей истории. Все попытки централизации власти и объединения государства носили временный характер, и центральная власть почти никогда не распространяла свое влияние на всю географическую территорию Афганистана. Племенные восстания против центральной власти стали характерной чертой Афганистана XVIII–XX вв. Следует отметить, что оккупировавшие Афганистан англичане распространяли свой контроль лишь на часть территории – это касалось столицы и территории бывшего Кабульского княжества и ряда городов [23. Р. 163; 24. С. 138–139, 166; 25. Р. 7–8]. Та же история повторилась в XX в. с советской оккупацией и в XXI в. с американской.

Социальные и политические изменения происходили в городах, за их пределами – территория племен, родов и кланов, общество которых медленно изменялось последние два-три столетия. Военная добыча являлась существенной частью благосостояния афганских племен, и эта черта с некоторыми трансформациями дожила до сегодняшнего дня. В стране сохраняются патриархальные общественные институты (например, лойя-джирга – совет представителей племен). Все перевороты, «революции» и реформы – это дело столицы и нескольких городов. Символы в виде конституций, воспринятых названий и форм (президент, парламент, выборы, социализм, капитализм) – лишь декор и атрибутика.

Главная особенность Афганистана – это неравномерность исторического развития разных его территорий (их обществ, племен и т.д.) и устойчивость пережитков общинной и родоплеменной организации. Современные американские исследователи констатируют проблему «преобразования королевства Кабула в государство Афганистана» [23. Р. 173].

Всем этим государствам, о которых шла речь выше, предстоит переход к состоянию *modernity*, когда они станут представлять собой государства в историческом понимании. Тогда реальный переход политической и социальной структуры произойдет революционным путем или через реформы ввиду сильного заимствования примеров из других государств. Присутствующая социальная деформация, сильное международное влияние, длительный период ломки и гражданского противостояния склоняют чашу весов к последнему пути.

Существует и другая группа государств – кандидатов на революции.

«Монархии Залива» – это государства, в которых не было революций и политическая система до сих пор представлена абсолютной монархией. Саудовскую Аравию, Катар, Оман, Объединенные Арабские Эмираты объединяют ключевые характерные черты: абсолютная монархия; разросшаяся королевская семья, занимающая все ключевые позиции в политике, экономике и общественной жизни; высокий уровень благосостояния населения за счет нефтяных доходов; высокая доля пришлой рабочей силы. Близкое сходство можно найти в государстве Юго-Восточной Азии – Брунее. Иордания отличается крайней бедностью из-за отсутствия нефтяных доходов и нехватки необходимых ресурсов (энергоресурсов и воды). Эти шесть государств являются претендентами на революции.

С точки зрения причин и последствий революций иранский пример 1978 г. имеет примечательные черты. Неприятие «монархиями Залива» иранской революции, резкое осуждение и противостояние на протяжении многих десятилетий связаны и с тем, что социально-экономическая структура шахского Ирана сильно напоминала их собственную: шахская семья накануне революции занимала верхнюю ступень социально-классовой структуры иранского общества; происходило активное проникновение шахского дома во все сферы экономической жизни, что привело к созданию так называемой дворцовой монополии.

События 2011 г. в арабском мире показали сравнительную устойчивость режимов, несмотря на их архаичность, однако рано или поздно этим государствам придется расставаться с существующей формой власти либо путем реформ, либо систему сменит революция. Модель общественного договора «деньги в обмен на власть», на которой держится власть в указанных богатых монархиях, выглядит вполне жизнеспособной на сегодняшний день, эти государства выглядят благополучными, и разговор о революции вызовет недоумение. Однако в этих государствах не упразднены главные причины революций: сохранение политической и социальной системы, при которой общество не имеет доступа к власти. В этих государствах населяющие их народы не превратились в нацию. Высокий уровень благосостояния позволяет купировать протестные проявления, однако такое положение не будет вечным. Во-первых, нефть кончится (либо физически, либо в этом полезном ископаемом исчезнет необходимость). Во-вторых, может возникнуть и другая ситуация: если человечество застрянет на данном этапе технологического развития, то нефть станет с ее исчерпаемостью объектом еще большей борьбы государств, чем это было в XX и XXI в., и тогда странам Залива угрожает потеря самостоятельности. Все перечисленные варианты в любом сочетании приведут к слабости режимов и потере ими социальной поддержки, т.е. возникнет революционная ситуация: возможность госпереворота при поддержке народных масс или их нейтралитете с необходимостью дальнейших реформ политической системы.

Бахрейн от своих соседей отличает конституционная монархия (есть выборы в одну палату парламента, но запрещены политические партии) и главный определяющий фактор – база флота США. Первое смягчает «революционное давление» (даже при наступающих экономических сложностях: исчерпанных нефтяных резервах и недостаточной переориентации на другие отрасли), второе – гарантирует внешнее вмешательство на поддержку режима. Принципиально отличается от этой группы государств Кувейт – демократическое государство с конституционной монархией и широкими избирательными правами (в том числе женщин).

Кандидат на революцию – королевство Бутан (получило независимость в 1949 г.). Здесь достаточно закрытое общество, где сильная изолированность упраздняет эффект интернационализации и заимствования идей революции, однако идеи модернизации все равно пробивают себе дорогу, и несколько попыток модернизации сверху уже прерывались. «Таиландский вариант» представляется наиболее вероятным, хотя возможна и инициатива по радикальным изменениям от монарха.

Еще один кандидат на революцию – Марокко (речь идет о настоящих революциях, а не о том, что вошло в историю под названием «цветные революции» и «арабская весна»). Размах и накал национально-освободительного движения в Марокко заставили французские и испанские власти в 1956 г. дать независимость двум частям страны в рамках одного государства во главе с султаном, которого французские власти вначале заставили отречься от престола в 1953 г., а затем были вынуждены вернуть на трон в 1955 г. Участие монарха в освободительном движении сделало его популярной фигурой и одним из символов независимости. «Кроме того, монарх был в глазах населения религиозно-легитимным правителем, ведущим происхождение от Пророка. В результате харизматический лидер стал стабилизирующим фактором в переходный период развития, когда экономические трудности, противодействие разных политических фракций, кланов и этнических группировок создавали внутреннюю конфликтную ситуацию». Первая конституция (1962 г.) декларировала основные права и свободы граждан с квазипарламентской политической системой, которая прикрывала абсолютизм конституционной формой [26. С. 93, 95]. Постепенно избирательная система внешне демократизировалась, но выборы все равно сохраняли и сохраняют определенную управляемость со стороны правительства. После массовых мирных демонстраций 2011 г. в городах Марокко с требованиями ограничения монархической власти и решения социальных проблем в стране был проведен референдум по проекту конституционной реформы, но она почти ничего не изменила в политическом и социальном плане.

Три примера соседей – Туниса, Марокко и Алжира – имеют сильное сходство. В Алжире национально-освободительная революция 1954–1962 гг. привела к независимости и установлению республиканского строя. В Тунисе национально-освободительная борьба

привела к обретению независимости в 1956 г. и установлению монархического режима, однако уже в 1957 г. Национальное собрание проголосовало за упразднение монархии и провозгласило Тунис республикой. Эти три страны имеют сходство с группой трех других стран региона.

Революции в Египте (1952), Ираке (1958) и Ливии (1969) имеют общие черты. Все эти революции представляли собой военный переворот, осуществленный тайными организациями молодых офицеров среднего звена («Свободные офицеры»). Госперевороты прошли без больших социальных возмущений, но пользовались поддержкой населения. Во всех трех государствах революции были направлены (и реализовали) на свержение монархии и борьбу с феодальными пережитками и сильной экономической и политической зависимостью от западных стран. Для того чтобы понять, почему революции произошли именно таким путем, как нам кажется, помогут некоторые сравнения и аналогии. Во-первых, эти революции по быстротечности сходны с корректирующими революциями. Со многими корректирующими их роднит и отсутствие широкого вовлечения масс с акцентированием на государственном перевороте. По реализации госпереворота и движущим силам эти революции сильно напоминают «революцию гвоздик» в Португалии 1974 г. Во-вторых, необходимо разобраться, почему в странах, где революций не было, сразу прошли революции, сильно напоминающие корректирующие. В Египте, Ливии и Ираке можно констатировать несостоявшиеся национально-освободительные революции: длительная борьба с колониальными режимами не переросла в национально-освободительные революции, так как вопрос был урегулирован политическим путем. Эти страны стали независимыми государствами с монархической формой правления и сохранили феодальные рудименты.

Можно с большой долей вероятности предположить, что по аналогии с соседями дальнейший путь Марокко – либо тунисский вариант (мирный переход), либо вариант Египта, Ирака и Ливии.

По аналогии со странами Восточной Европы корректирующие революции потенциально возможны в

Китае, Вьетнаме, Северной Корее, Лаосе и на Кубе, где события 1989–1991 гг. привели к некоторой экономической либерализации, но не политической. Альтернатива – проведение реформ: отказ от однопартийной системы, переход к реальной демократии современного образца, исчезновение партийной номенклатуры.

Конечно, любые рассуждения о предстоящих революциях столкнутся с высокой степенью скепсиса, в том числе научно обоснованного, да и психологически сложно увидеть разительные изменения в период, когда ничего их не предвещает. Что касается первого пункта, то здесь роль играют логика рассуждений и опора на сходство явлений, уже произошедших в истории. Такую логику, имеющую право на существование, мы привели в данной статье. Что касается второго пункта, то хотелось бы дать ряд показательных исторических примеров.

В Англии 1639 г., Франции 1788 г. и в России 1916 г. вряд ли бы нашелся хоть один человек, кто поставил бы на то, что через год в их странах падут абсолютные монархии и разразятся революции. «Верно то, что в конце 1786 г., – писал исследователь Великой французской революции Эмэ Шерэ, – никто не верил в скорое наступление революции, и даже после того, как она произошла, современники все-таки оставались в убеждении, что ее легко было бы избежать» [27. С. 75]. Как писал другой исследователь Альбер Матьез, Французская революция поражала «своей стихийной неожиданностью как самих участников ее, так и свои жертвы» [1. С. 23]. В феврале 1917 г. В.И. Ленин, который посвятил организации революции в России всю свою жизнь и деятельность, говорил, что он сам и его поколение до революции не доживут, что революцию увидят следующие поколения [28. С. 220; 29. 162]. Абсолютно неожиданными для современников стали и Мексиканская революция 1910–1920 гг., и Иранская 1978 г. [30. Р. 3; 31], и эти примеры можно множить до границ всех известных революций. Таким образом, когда возникает мысль о том, что в современных реалиях ничего во внешних проявлениях не предвещает революции, необходимо возвращаться к данным примерам.

Список источников

1. Матьез А. Французская революция. Ростов н/Д : Феникс, 1995. 576 с.
2. Goldstone J.A. Predicting Revolutions: Why We Could (and Should) have Foreseen the Revolutions of 1989–1991 in the U.S.S.R. and Eastern Europe // *Revolution: Critical Concepts in Political Science* / Ed. by R.H.T. O'Kane. Taylor & Francis, 2000. Vol. 4. P. 395–416.
3. Paige J.M. Finding the Revolutionary in the Revolution: Social Science Concepts and the Future of Revolution // *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization* / Ed. by J. Foran. Zed Books, 2003. P. 19–29.
4. Капустин Б. О предмете и употреблении понятия «революция» // *Логос*. 2008. № 6. С. 3–47.
5. Штомпка П. Социология социальных изменений. М. : Аспект-Пресс, 1996. 418 с.
6. Brinton C. *The Anatomy of Revolution*. Revised and Expanded Edition. N.Y. : Vintage Books, 1965. 310 p.
7. Kirkpatrick J.J. After Communism, what? // *Problems of Communism*. 1992. № 41. January-April. P. 1–7.
8. Foran J. Introduction to the Future of Revolution // *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization* / ed. by J. Foran. Zed Books, 2003. P. 1–15.
9. Foran J. Magical Realism: How Might the Revolutions of the Future Have Better End(ing)s? // *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization*. Zed Books, 2003. P. 271–283.
10. Foran J. The Future of Revolutions at the fin-de-siecle // *Revolution: Critical Concepts in Political Science*. Taylor & Francis, 2000. Vol. 4. P. 417–450.
11. Шульц Э.Э. «Теория революции»: к истории изучения, систематизации и современному состоянию // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*. 2015. № 1 (198), вып. 33. С. 167–172.
12. Шульц Э.Э. Революция: к вопросу об определении термина // *Социологические исследования*. 2014. № 2. С. 132–142.

13. Шульц Э.Э. Теория революции: революции и современные цивилизации. М. : ЛЕНАНД, 2016. 400 с.
14. Эйзенштадт Ш. Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций : пер. с англ. М. : Аспект Пресс, 1999. 416 с.
15. Ellul J. *Autopsy of Revolution*. N.Y. : Knopf, 1971. 300 p.
16. Zagorin P. *Rebels and Rulers, 1500–1600: Vol. 1, Agrarian and Urban Rebellions: Society, States, and Early Modern Revolution*. Cambridge University Press, 1982. 292 p.
17. Foran J. *Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions*. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 395 p.
18. Шульц Э.Э. Технологии бунта (Технологии управления радикальными формами социального протеста в политическом контексте). М. : ПФОП, 2014. 512 с.
19. Харрисон Л. Введение. В чем значение культуры? // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона и С. Хантингтона. М. : Моск. школа политических исслед., 2002. С. 15–36.
20. Adejumbi S.A. *The History of Ethiopia*. Greenwood Press, 2007. 219 p.
21. Henze P.B. *Layers of Time. A History of Ethiopia*. Palgrave, 2001. 372 p.
22. Zewde B. *A History of Modern Ethiopia. 1855–1991*. 2nd ed. Addis Ababa University Press, 2005. 300 p.
23. Hopkins B.D. *The Making of Modern Afghanistan*. Palgrave Macmillan, 2008. 258 p.
24. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / отв. ред. Ю.В. Ганковский. М. : Мысль, 1982. 368 с.
25. Dorrnsoro G. *Revolution Unending. Afghanistan: 1979 to the Present*. London : Hurst & Co. ; Paris, 2000. 370 p.
26. История Востока : в 6 т. Т. 6: Восток в новейший период (1945–2000). М. : Восточная лит-ра РАН, 2008. 1095 с.
27. Шерр Э. Падение старого режима. 1787–1789. СПб. : Брокгауз-Ефрон, 1907. Т. 1. 393 с.
28. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 10 т. М. : Изд-во политической литературы, 1989. Т. 2. 384 с.
29. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине : в 10 т. М. : Изд-во политической литературы, 1989. Т. 3. 367 с.
30. Kurzman C. *The Unthinkable Revolution in Iran*. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2004. 304 p.
31. Wolf E.R. *Peasant Wars of the Twentieth Century*. Harper & Row ; Publishers, 1969. 328 p.

References

1. Mathiez, A. (1995) *Frantsuzskaya revolyutsiya* [French Revolution]. Rostov-on-Don: Feniks.
2. Goldstone, J.A. (2000) Predicting Revolutions: Why We Could (and Should) have Foreseen the Revolutions of 1989–1991 in the U.S.S.R. and Eastern Europe. In: O’Kane, R.H.T. (ed.) *Revolution: Critical Concepts in Political Science*. Vol. 4. Taylor & Francis. pp. 395–416.
3. Paige, J.M. (2003) Finding the Revolutionary in the Revolution: Social Science Concepts and the Future of Revolution. In: Foran, J. (ed.) *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization*. Zed Books. pp. 19–29.
4. Kapustin, B. (2008) О predmete i upotrebleniyakh ponyatiya “revolyutsiya” [On the subject and uses of the concept of “revolution”]. *Logos*. 6. pp. 3–47.
5. Sztompka, P. (1996) *Sotsiologiya sotsial’nykh izmeneniy* [Sociology of Social Changes]. Translated from English by V.A. Yadova. Moscow: Aspekt-Press.
6. Brinton, S. (1965) *The Anatomy of Revolution. Revised and Expanded Edition*. New York: Vintage Books.
7. Kirkpatrick, J.J. (1992) After Communism, what? *Problems of Communism*. 41. January-April. pp. 1–7.
8. Foran, J. (2003) Introduction to the Future of Revolution. In: Foran, J. (ed.) *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization*. Zed Books. pp. 1–15.
9. Foran, J. (2003) Magical Realism: How Might the Revolutions of the Future Have Better End(ing)s? In: Foran, J. (ed.) *The Future of Revolutions: Rethinking Radical Change in the Age of Globalization*. Zed Books. pp. 271–283.
10. Foran, J. (2000) The Future of Revolutions at the fin-de-siecle. In: O’Kane, R.H.T. (ed.) *Revolution: Critical Concepts in Political Science*. Vol. 4. Taylor & Francis. pp. 417–450.
11. Shul’ts, E.E. (2015) “Teoriya revolyutsii”: k istorii izucheniya, sistematizatsii i sovremennomu sostoyaniyu [“Theory of Revolution”: to the history of study, systematization and current state]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika*. 1-33 (198). pp. 167–172.
12. Shul’ts, E.E. (2014) Revolyutsiya: k voprosu ob opredelenii termina [Revolution: on the question of the definition of the term]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2. pp. 132–142.
13. Shul’ts, E.E. (2016) *Teoriya revolyutsii: revolyutsii i sovremennye tsivilizatsii* [The Theory of Revolution: Revolutions and modern civilizations]. Moscow: LENAND.
14. Eisenstadt, Sh. (1999) *Revolutsiya i preobrazovanie obshchestv. Sravnitel’noe izuchenie tsivilizatsiy* [Revolution and Transformation of Societies. Comparative study of civilizations]. Translated from English. Moscow: Aspekt Press.
15. Ellul, J. (1971) *Autopsy of Revolution*. New York: Knopf.
16. Zagorin, P. (1982) *Rebels and Rulers, 1500–1600*. Vol. 1. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Foran, J. (2005) *Taking Power. On the Origins of Third World Revolutions*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Shul’ts, E.E. (2014) *Tekhnologii bunta (Tekhnologii upravleniya radikal’nymi formami sotsial’nogo protesta v politicheskom kontekste)* [Technologies of Rebellion (Technologies for managing radical forms of social protest in a political context)]. Moscow: PFOP.
19. Kharrison, L. (2002) Vvedenie. V chem znachenie kul’tury? [Introduction. What is the meaning of culture?]. In: Harrison, L.E. & Huntington, S.P. (eds) *Kul’tura imeet znachenie. Kakim obrazom tsennosti sposobstvuyut obshchestvennomu progressu* [Culture Matters: How Values Shape Human Progress]. Moscow: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy. pp. 15–36.
20. Adejumbi, S.A. (2007) *The History of Ethiopia*. Greenwood Press.
21. Henze, P.B. (2001) *Layers of Time. A History of Ethiopia*. Palgrave.
22. Zewde, B. (2005) *A History of Modern Ethiopia. 1855–1991*. 2nd ed. Addis Ababa: Addis Ababa University Press.
23. Hopkins, B.D. (2008) *The Making of Modern Afghanistan*. Palgrave Macmillan.
24. Gankovskiy, Yu.V. (ed.) (1982) *Istoriya Afganistana s drevneyshikh vremen do nashikh dney* [History of Afghanistan from Ancient Times to the Present Day]. Moscow: Mysl’.
25. Dorrnsoro, G. (2000) *Revolution Unending. Afghanistan: 1979 to the Present*. Paris; London: Hurst & Co.
26. Yakobson, V.A. (ed.) (2008) *Istoriya Vostoka* [History of the East]. Vol. 6. Moscow: Vostochnaya lit-ra RAS.
27. Chérest, A. (1907) *Padenie starogo rezhima. 1787–1789* [The Fall of the Old Regime. 1787–1789]. Vol. 1. Saint Petersburg: Brokgauz-Efron.
28. Dridzo, V.S. & Manbekova, S.U. (eds) (1989) *Vospominaniya o Vladimire Il’iche Lenine* [Memories of Vladimir Ilyich Lenin]. Vol. 2. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.
29. Butochnikova, S.F. (ed.) (1990) *Vospominaniya o Vladimire Il’iche Lenine* [Memories of Vladimir Ilyich Lenin]. Vol. 3. Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury.
30. Kurzman, C. (2004) *The Unthinkable Revolution in Iran*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
31. Wolf, E.R. (1969) *Peasant Wars of the Twentieth Century*. Harper & Row Publishers.

Информация об авторе:

Шульц Э.Э. – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России Средних веков и Нового времени Московского государственного областного университета (Москва, Россия). E-mail: nuar1@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.E. Shults, Cand. Sci. (History), associate professor, Moscow Region State University (Moscow, Russian Federation). E-mail: nuar1@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.07.2021;
одобрена после рецензирования 13.10.2022; принята к публикации 28.10.2022.*

*The article was submitted 22.07.2021;
approved after reviewing 13.10.2022; accepted for publication 28.10.2022.*